

Теория и методология Theory and methodology

DOI: 10.51217/npsyresearch_2022_02_02_01

Гусельцева М.С.

Диалектика современности: антиномичность
как фактор развития культуры, личности, методологии

Guseltseva M.S.

Dialectics of modernity: antinomy
as a factor in the development of culture, personality, methodology

Психологический институт РАО, Москва, Россия

Статья посвящена методологическим проблемам изучения человека в условиях современности, стабильности и изменчивости, противоречивости и амбивалентности его развития. Современность неоднородна, она включает различные социокультурные слои, социальные группы и пространства социализации. В современности соприкасаются и конкурируют разные опыты социальности, пути и практики производства идентичности. Исследователи различают собственно современность (contemporaneity) и модерность (modernity). Если современность означает временной период, где развитие личности совершается в разделенном с другими людьми настоящем времени, то модерность предполагает нормативность определенного этоса, следование современному стилю жизни. Личности, как и общества, могут быть современными, но не модернизированными, т.е. пользоваться технологическими благами цивилизации, но не разделять ее ценности. Обращение к диалектике антиномий демонстрирует, что самоопределение современного человека происходит в переходной, смешанной, противоречивой системе ценностных координат. На смену левым и правым, либерализму и консерватизму сегодня приходят новые и гораздо более разнообразные дихотомии: известное vs неизвестное, прошлое vs будущее, стабильность vs изменение, безопасность vs свобода, коммунитаризм vs персонализм, общность vs индивид, статичность vs мобильность, традиция vs инновация, фундаментализм vs амбивалентность, зрелость vs молодость и др. Для понимания изменений, происходящих с человеком в современном мире, психология вынуждена обращаться к концепциям модернизации, глобализации, информационного общества, а также соотносить психологическое знание с познанием социальных наук.

Предлагается обзор представлений о современности, развиваемых в трансдисциплинарном поле исследований социальных наук.

Ключевые слова: методология, трансдисциплинарный подход, современность, модерность, антиномии, культура, личность

Для цитирования: Гусельцева, М.С. Диалектика современности: антиномичность как фактор развития культуры, личности, методологии // Новые психологические исследования. 2022. № 2. С. 7–31. DOI: 10.51217/psyresearch_2022_02_02_01

Введение

«Жители Земли получают все больше и больше информации друг о друге, и одновременно (или поэтому?) становится сложнее составить какое-то представление о современности» (Эриксен, 2003, с. 40).

К трансформациям современного мира обращены сегодня эмпирические и теоретические исследования. Современность выступает полем трансдисциплинарного изучения широкого спектра социальных наук. Однако чем больше понятие обретает статус трансдисциплинарности, тем сложнее дать ему содержательное определение. В психологии современность чаще всего рассматривается как уникальная ситуация развития личности. С позиции философского анализа современность раскрывается как проблемная ситуация, затрагивающая изменения человека и мира, трансформации ценностей, экзистенциальные разрывы бытия. В оптике феноменологии современность представляет единство пространства и времени в переживаемом настоящем, обозначаемое конструктами *хронотоп* (А.А. Ухтомский, М.М. Бахтин) или *жизненный мир* (Э. Гуссерль, А. Шюц). Согласно социологической концепции З. Баумана, ярким качеством современности является текучесть, ее трансформации затрагивают социальные институты, структуры занятости, отношения между людьми, образы жизни, восприятие реальности и т.п. (Бауман, 2008). В российской психологии современность нередко рассматривается посредством категорий транзитивности, непрерывности изменений человека, многослойности бытия, переживаний прекарности, анализа повседневной жизни (Гришина, Костромина, 2017; Знаков, 2020; Марцинковская, 2021; Хорошилов, 2022).

Однако вне зависимости от исходных дисциплинарных ориентаций трансформации современности создают общенаучный контекст социального знания, в котором макро- и микроисследования,

модернизации институтов и инфраструктуры, коммуникации и влияние медиа, деяния личностей и движения масс, кризисы мироустройства, перемены в общественном мнении, проблемы неравенства, справедливости и этики, социальные конфликты и международные отношения перетекают друг в друга, смешиваются, образуя трансдисциплинарное исследовательское поле и побуждая психологию осмысливать развитие личности в перспективе *мультилатерализма* («многосторонности, а не многополярности» (Шмелева, 2020)). Тем не менее при всем богатстве возможностей, открывающихся перед исследователем современности как в социальных науках в целом, так и в психологии в частности, здесь возникают и методологические проблемы.

Первая проблема коренится в противоречии между происходящими изменениями и привычной, сформированной институтами социализации и системой образования картиной мира. Сложившаяся ситуация побуждает задуматься не только о том, что слишком быстрые и неожиданные перемены могут оказаться травмирующими для человеческой психики, но и о том, насколько аналитический аппарат социальных наук в состоянии постичь меняющую современность. При этом обновлению взгляда немало способствует обращение исследователя к смежным областям знания.

Вторая проблема сопряжена с конструированием новых методологий, позволяющих справляться с такими свойствами современных феноменов, как сверхсложность (*super complexity*), гибридность (*hybridity*), расслоение (*cleavage, layering*), сверхразнообразие (*super diversity*), диффузия (*diffusion*), текучесть (*fluidity, liquidity*) и др. На роль одной из подобного рода методологий и претендует сегодня трансдисциплинарный подход (Гусельцева, 2018b; Van Lange, 2006). Однако, как справедливо заметила американский социальный психолог Э. Бершайд (Ellen S. Berscheid, p. 1936), столь востребованные в наши дни и направленные на интеграцию знаний меж-, мульти-, трансдисциплинарные исследования обусловлены не столько успешной коммуникацией ученых разных дисциплин, сколько тем, чтобы эти разные дисциплины могли быть адекватно сконфигурированы в «одной голове» (Berscheid, 2006, p. 38).

Наконец, третьей проблемой, имеющей наиболее близкое отношение к психологии, являются переживаемые в связи с трансформациями современности кризисы идентичности человека текущей эпохи.

Многослойность современности

«Антрополог постоянно испытывает противоречивые переживания: различия поражают его, но ежедневно он отмечает, что люди больше похожи, чем отличаются друг от друга» (Augé, Colleyn, 2019, p. 98). «Сегодня идентичность обязана как глобальному, так и локальному, настоящему и прошлому, государству и корням: к лучшему или к худшему, она является их артикуляцией» (Ibid., p. 100).

Неоднородность и многослойность современности заслуживают особого исследования. Современность есть ткань социального бытия человека, однако лоскуты этой ткани неравномерно обволакивают обживающихся в ней субъектов. Ошибки социального прогнозирования зачастую обусловлены тем, что из поля анализа выпадают антиномичность, амбивалентность, разнонаправленность культурно-психологических процессов. Так, не всё происходящее в современности является современным. Этот парадокс был осмыслен американским антропологом П. Рабиноу (Paul M. Rabinow, 1944–2021), серия трудов которого как раз посвящена разработке методологического инструментария для постижения современности (Rabinow, 1996, 2003, 2008). Он обратил внимание на принципиальные различия между терминами *современность* (contemporaneity) и *модерность* (modernity).

Современность (contemporaneity) означает совпадение субъектов в одном историческом времени, тогда как модерность (modernity) предполагает следование современному стилю жизни (Rabinow, 2008). Модерность – это в большей степени этос, система ценностей, а современность – период проживания субъектами общего исторического времени (где, например, Бенкендорф был современником Пушкина). Таким образом, и личности, и общества могут быть современными, но не модернизированными, т.е. не принадлежащими к авангардным слоям современности.

Философ М. Минаков в книге «Диалектика современности» определил модерность как «общее название для ситуации, в которой человеческие общества оказались под воздействием глубокой рационализации ценностей, норм и практик» (Минаков, 2020, с. 13). При этом «развитие человеческих обществ, где господствуют рациональные структуры модерности, называется модернизацией (иначе – становлением модерности)» (Там же)¹. Модерн – это

¹ «Эра модерности была слишком сосредоточена на veritas, что привело к заметному дефициту caritas» (Минаков, 2015).

определенная система ценностей, включающая практики критического мышления, интеллектуальной автономии, инициативы, индивидуальной свободы и личной ответственности (Кошарная, Рожкова, 2011).

Оригинальный подход к изучению современности предложили французские антропологи М. Оже и Ж.-П. Коллейн², показав, что «современность определяется фактом проживания в одной и той же эпохе и возможностью делиться общими ссылками» (Augé, Colleyn, 2019, p. 20). Представление о том, что, каким бы ни был сегодня образ жизни населяющих нашу планету людей, в нем всегда есть общие черты, сформировалось вместе с глобализацией. Такое понимание пришло в антропологию и другие социальные науки относительно недавно, но еще не сделалось установкой массового сознания. В дискуссиях конца XX века даже высказывались опасения, что глобализация угрожает культурному разнообразию, хотя в дальнейшем эти опасения не подтвердились. В антропологической оптике современность стала рассматриваться как антиномия глобального и локального. «Для каждого индивидуума текущая эпоха характеризуется скачками между локальным и глобальным уровнями» (Augé, Colleyn, 2019, p. 22). Обращаясь к изучению современности, антропологи подчеркивали, что сущность культуры выражается через открытие других культур, а глобализация позволяет малым сообществам «использовать универсальные ценности и смыслы для подтверждения их самобытности» (Aïme, 2019, p. 12). Глобализация привела к разрыву между местами производства культуры и местами ее воплощения. Социальные, этнические, культурные, политические, экономические ландшафты делались все более смешанными и переплетенными, а их границы – неровными и фрагментированными (Ibid.). При этом все более релевантным способом изучать трансформации современности становился трансдисциплинарный подход, воплотившийся, в том числе, в исследованиях М. Оже и Ж.-П. Коллейна (Aïme, 2019; Augé, Colleyn, 2019).

---

² В предисловии к «Антропологии современного мира» М. Эме подчеркивает, что М. Оже и Ж.-П. Коллейн навели мосты между антропологией и другими дисциплинами, подтверждая призвание первой выступить «пограничным знанием и варьировать междисциплинарность» (Aïme, 2019, p. 7). «Антрополог не только смотрит за стекло, он всегда обнаруживает, что работает на своего рода ничейной земле. В промежутке “уже” и “еще”. Это “между” расположено в той неразграниченной области, где мысли и жесты содержат общие пространства для понимания» (Ibid., p. 8).

Процессы глобализации, транскультурации, информатизации культуры, трансформации идентичности не только, описывая современность, являются общенаучным полем исследований социальных наук, но и ведут к обнаружению в развитии человека и культуры новых феноменов (и терминов): гибридизации (hybridization), креолизации (creolization), детерриторизации (deterritorialization) и т.д. Такие конструкции, согласно шведскому антропологу У. Ханнерцу (Ulf Hannerz, p. 1942), охватывают современность, соединяют континенты и помогают увидеть в глобализации *ее человеческое лицо*. «В процессах глобализации мир не обязательно становится одинаковым. В нем есть борьба, но есть и игра. ...В приграничных землях процветают трикстеры» (Hannerz, 1997, p. 25). Транскультурация рассматривается здесь как система взаимного прилаживания, процесс преобразований, создающий иные культурно-психологические качества человека и мира, не являющиеся ни механической совокупностью свойств, ни мозаикой, а чем-то принципиально новым, «своеобразным и независимым» (Ibid., p. 24).

В свою очередь, детерриторизация (deterritorialization) описывается как феномен современности, где «в сочетании с постоянно увеличивающимся потоком информации порождается множество все более сложных воображаемых образов» (Aime, 2019, p. 12). Здесь, наряду с тремя измерениями пространства и временем, описывающими витальную жизнь человека, все большее влияние на его развитие оказывает «пятое измерение» – *воображение*: воображаемые реальности и воображаемые сообщества. Так, М. Эме отмечает, что образы начинают играть слишком серьезную (и, возможно, опасную³) роль в социокультурном творчестве современной жизни. «Человечество ... часто возникает не из объективных реальностей, а из общего проекта, основы которого не обязательно объективно познаваемы, измеряемы и еще в меньшей степени соответствуют [реальной] истории сообщества, которое с ним идентифицируется» (Ibid.).

С одной стороны, современность оказывается поражена антиномиями глобализации и локализации («глобалистами» и «нэйтивистами», носителями космополитической и региональной

---

³ «Благодаря современным коммуникациям факты легко становятся планетарными событиями, ибо они освещаются и возвеличиваются средствами массовой информации, и задача современного антрополога состоит в том, чтобы задать себе вопрос, до какой степени деформируется наше воображение вымыслами, сменяющимися друг друга в потоках информации...» (Aime, 2019, p. 12).

идентичностей), постмодерна и авангарда⁴, модерна и архаики⁵ и т.п.; с другой стороны, потоки модернизации распределены в современности неравномерно, порождая линии разломов, потенциальных конфликтов, социального неравенства, почву для ressentimenta, переживаний несправедливости, оскорбленных чувств и обид. «Конфликт и изменение на самом деле являются составными элементами любого общества. Принятие системной точки зрения не мешает нам учитывать изменчивость и изменение, а также перспективы действующих лиц» (Augé, Colleyn, 2019, p. 22). В такой ситуации мышление посредством антиномий становится способом овладения сложными и противоречивыми феноменами (Гусельцева, 2018а).

Немецкий философ Э. Блох (Ernst Bloch, 1885–1977) в 1930 гг. XX века создал концепцию *неодновременности современности*, не утратившую актуальности в наши дни, хотя большинство его работ и не переведено на русский язык. Э. Блох изучал повседневную жизнь особых социальных групп, физически живущих в современности, но не являющихся модернизированными. «Будучи современниками, ежедневно сталкиваясь по пути на работу, люди, по сути, живут в разных эпохах» (Болдырев, 2012, с. 49). Они «живут в настоящем, разделяют с нами одно и то же время, но на самом деле погружены в прошлое» (Там же, с. 48). Среди этих социальных слоев Э. Блох выделил три группы: 1) безучастная к современности, пребывающая в мире грез, романтически настроенная молодежь; 2) крестьянство, ведущее традиционный образ жизни, практически не меняющееся от десятилетия к десятилетию; 3) оказавшиеся неуспешными во времени настоящего, разочарованные в своей повседневной жизни мелкие служащие, мечтающие вернуться в прошлое, усматривающие в нем утерянный рай (Болдырев, 2012).

---

⁴ Согласно, У. Эко, каждая эпоха содержит собственные *авангард* и *постмодернизм*. В «Заметках на полях “Имени розы”» У. Эко рассматривал авангард и постмодернизм как метаисторические категории. Эволюционный смысл первого заключался в том, что он «разрушает образ, отменяет образ, доходит до абстракции, до безобразности, до чистого холста, до дырки в холсте, до сожженного холста...» (Эко, 1997, с. 636), тогда как постмодернизм выступает современным ответом авангарду: «раз уж прошлое невозможно уничтожить, ..., его нужно переосмыслить, иронично, без наивности» (Там же).

⁵ «Для двух этих признаков до сих пор нет удачного определения, меткого термина. Условно это сторонники вперед и сторонники назад. Архаики и модернисты, республиканцы и демократы, консерваторы и либералы – ни один из этих ярлыков в точности явление не отражает, так как мир богат оттенками, но общий вектор ...ясен» (Бутенко, 2020).

В наши дни, опираясь на концепцию Э. Блоха и современные социологические исследования, нетрудно обнаружить в российском обществе все те же социальные слои: 1) далекая от задач модернизации молодежь, проводником в мир грез для которой сделались ресурсы интернета; 2) обитатели сельских поселений и малых городах, практически не затронутые модернизацией, не меняющие на протяжении десятилетий привычный уклад, образ жизни и мыслей; 3) множество разочарованных представителей городского населения, мечтающих об утраченном прошлом и «жаждущих легенды». «В эти отверстия и зазоры, складки времени прорывается энергия массовых мифов» (Там же, с. 49).

Осмысливая неодновременность современности, Э. Блох стремился зафиксировать эти неравномерные пласты времени в научных понятиях. Так, в современности содержатся качественно различные времена, не только модерн и архаика, постмодерн или авангард, но и неопознанные темпоральные слои, которым Э. Блох давал собственные оригинальные названия. *Фронт* – пространство социального активизма, «наиболее передовой отрезок времени», где человек находится, «живя и действуя». *Новум* – «характеристика отношений между современностью и утопией» (Болдырев, 2012, с. 44)

Подчеркнем, что идеи Э. Блоха все еще эвристичны для понимания модернизации и рисков развития личности в ситуации современности. Например, его исследования показывают, что переживаниями психологически не готовых жить в современности людей, невозможно пренебречь. Напротив же, действия *прогрессоров*⁶ (прибегая к художественной метафоре братьев Стругацких) могут оказаться контрпродуктивными, порождая такой феномен, как *ресентимент*,⁷ и – в дальнейшем – риски взрастающих на его почве фашизма или нацизма как типичных болезней неравномерно модернизирующихся обществ.

---

⁶ В повести братьев Стругацких «Трудно быть богом» прогрессоры – это представители высокоразвитой цивилизации, направленные с Земли в менее развитые общества (здесь – средневековое государство Арканар) с целью ускорить и оптимально сконструировать историческое развитие.

⁷ Понятие «ресентимент» – смесь чувств, содержащих негодование, злобу, мстительность, переживание собственной слабости и неполноценности по отношению к более благополучным слоям общества, – возникло в труде Ф. Ницше «К генеалогии морали». Ф. Ницше определяет ресентимент (*ressentiment*) как комплекс негативных эмоций, направленных против модернизации – европейских реформ XVI–XVII вв. (Ницше, 1990, с. 424, с. 785).

Э. Блох утверждал, что идеи «крови, почвы, народности, вождя» не могут быть попросту отвергнуты, если за ними стоит напряженная социальная энергия. Для благополучного развития общества эти идеи должны быть интегрированы в гуманистические, демократические практики. Иными словами, ресентимент лечится вовлечением, участием и реальными успехами этих «не-свое-временных» в современности социальных групп. С опорой на представление о социальной реальности как о диалектике антиномий, Э. Блох показывает, что антимодернистская, «мифическая энергия может стоять у истоков нового светлого мира, а может (как это и случилось) переродиться и спровоцировать трагические последствия» (Болдырев, 2012, с. 50).

Отметим, что идеи Э. Блоха получили развитие в «Диалектике Просвещения» Т. Адорно и М. Хоркхаймера, где названные авторы исследовали, каким образом индустриальная и массовая культура подавляет инициативу и творчество человека, в результате чего на место просвещения возвращается миф (Хоркхаймер, Адорно, 1997). Таким образом, Т. Адорно и М. Хоркхаймер предостерегали от рисков возврата цивилизации к варварству, т.к. «не просто идеальная, но практическая тенденция к самоуничтожению присуща рациональности с самого начала» (Там же, с. 14).

Другой выдающийся представитель франкфуртской школы Ю. Хабермас (Jürgen Habermas, р. 1929) в качестве выхода из кризиса модерна предложил теорию коммуникативного действия (Хабермас, 2003). Проблемы современности он осмысливал посредством конструкций «система» и «жизненный мир», придав этим терминам оригинальное звучание и, соответственно, противопоставив *инструментальную* (обеспечивающую техническую сторону модернизации) и *коммуникативную* (отвечающую за качество человеческого общения, например, компетенции решать проблемы посредством обсуждений, а не насилия) рациональности.

В этом контексте прогностически точной оказалась статья М. Минакова «Рассовременивание постсоветских обществ» (Минаков, 2015), в которой вводилось понятие *демодернизации* и содержалось следующее предупреждение: «Постсоветская демодернизация происходит в обществах, где советское индустриальное общество уже разрушено, но культурные, экономические и политические институты глобализации информационной эры не развиваются до необходимого уровня, чтобы трансформировать социальную структуру в более современную. Вместо этого можно наблюдать

обратный процесс развития: восстанавливаются некоторые советские и досоветские формы коллективной жизни» (Минаков, 2015). Согласно М. Минакову, дисгармония «системы» и «жизненного мира» в современности, их «взаимная колонизация» создает «огромные риски» для развития личности постсоветского человека, ибо происходит не только утрата моральных ориентиров, но и «общей отправной точки для достижения согласия». Если в советские времена «жить в ситуации двоемыслия было травматично, так как эта ситуация нарушала целостность индивида», но «он точно знал, что было верным, хоть мог говорить и поступать иначе», то в контексте постсоветской демодернизации «смыслы и ценности, оберегаемые гардианами жизненного мира (церковью, семьей, общиной или сообществом), станут такими же манипулятивными, как и идеологии Системы» (Минаков, 2015). «Двоемыслие остается, но теперь и слова, и их денотаты одинаково обманчивы. Исчезает возможность уверенности в том, что является правильным и подлинным в ситуации этой новой двойственности. В некотором смысле, демодернизация основана на еще большей эксплуатации жизненного мира. Эта эксплуатация высвобождает энергию таких социальных сил, которые уничтожают и рациональную политику институтов, и традиционные ценности коллективов, и нравственное состояние индивида» (Гам же).

Иными словами, демодернизация – это процесс, где человек утратил идентичность и традиционного, и индустриального общества, но не обрел ценностного стержня, позволяющего жить в согласии с самим собой в современности.

Трансформации современности, мерцающая идентичность

«Гуманитарные науки подвергаются постоянному пересмотру своих гипотез, своих концепций и методов, своего письма. ...Они как бы колеблются между двумя полюсами: с одной стороны, стремление к якорю, к основанию, к порядку; с другой – скептицизм, деконструкция, разновидность романтизма. Чрезмерно простые противопоставления порядка и беспорядка, коллективного и индивидуального, объективного и субъективного, смысла и функции существенно тормозят разработку гипотез, заключая теоретическую рефлексию в ловушки дилемм» (Augé, Colleyn, 2019, p. 96).

В культурно-психологическом контексте современность предстает как потоки изменений, трансформации человека и мира. Эти трансформации описываются в категориях сложности и

простоты, унификации и разнообразия, ускорения и торможения, неопределенности и управления будущим. С одной стороны, социокультурная реальность сделалась более пестрой, сложной и мало предсказуемой. С другой стороны, изменился не столько мир, сколько чувствительность и восприимчивость людей к происходящим изменениям. При этом переживаемая психологически современность делает излишне насыщенным и перегруженным настоящее.

Если М. Минаков рассуждает о *сложной модерности*, которая «разнообразна и множественна как во временном, так и в географическом смысле» (Минаков, 2015), то М. Эме определяет как *сверхсовременность* (super modernity) переживание ускорения истории, где скорость сокращает расстояния, а время превалирует над пространством (Aïme, 2019). «Все происходит на наших глазах, в режиме реального времени, и кажется, что измерение настоящего расширяется все больше и больше. Скорость, с которой все поглощается, даже чувства, сжимает время, и кажется, что каждый момент включает в себя все более длинные временные интервалы. Здесь-и-сейчас преобладают над прошлым и будущим» (Aïme, 2019, р. 12). В такого рода переживании современности *прошлое становится бесполезным, будущее – расплывчатым, а настоящее – избыточным.*

В свою очередь, эти трансформации ведут к изменениям в методологии исследований. М. Эме подчеркивает, что качественные методы, практикующие широту взгляда, длительное пребывание в выбранных для изучения местах, интервью и беседы с участниками событий, наиболее пригодны «для постижения такой сложной и многогранной реальности, как современный мир» (Aïme, 2019, р. 14). Антропологический метод оказывается едва ли не наиболее релевантным для изучения современности, ибо в поле его анализа попадают как текущие изменения, так и возникающие в развитии человека и общества противоречия. Методологический парадокс антропологического исследования проявляется в том, что, опираясь на воображение, прибегая к нарративам и участным (engaged) практикам, антропологи достигают полноты реальности скорее, чем ограниченные лабораторией или ориентирующиеся на теоретические схемы представители других социальных наук.

К анализу современности обращаются и в таких прикладных направлениях, как психология бизнеса, менеджмента, лидерства. Авторы книги с характерным названием «Лидерство во время кризиса: преодоление сложности, разнообразия и неопределенности» поставили цель – выявить специфику феноменов современности, не

укладывающихся в рамки имеющегося терминологического аппарата и концептуальных представлений (Dotlich et al., 2009). В поиске новых методологических подходов они обращаются к способу интегрального мышления посредством антиномий⁸. Если глобальный уровень анализа позволяет делать широкие обобщения, то локальный – чувствителен к различиям и своеобразию. «Достижение правильного баланса между централизацией и децентрализацией часто приводит к структуре, в которой проблемы клиентов решаются локально, а проблемы, не связанные с клиентами, решаются глобально» (Dotlich et al., 2009, p. 47). Это понимание позволяет преодолеть дихотомию универсального и уникального. В ответ на увеличение неопределенности и сложности возникают гибкие структуры и гибридные решения, где локальные проблемы решаются инструментально, а глобальные – методологически. Так, Д. Дотлих с коллегами обращается к анализу парадоксов современности как способов управления сложностью. Анализируя особенности модернизированной личности, авторы выделяют такие психологические ресурсы для продуктивной жизни в современности, как критическое мышление, жизнестойкость, личные убеждения, ценности и целеустремленность (Dotlich et al., 2009).

Между тем конструкты «сложность», «разнообразие», «неопределенность», используемые на уровне философских и общенаучных рассуждений, требуют инструментализации применительно к изучению современности как культурно-психологической реальности. Представляется, что перейти от философского уровня анализа к конкретно-научному позволит обращение к феноменологии антиномичности и амбивалентности этих процессов. Ведь суть диалектики современности заключается в том, что последняя содержит внутренние противоречия. «Новое время делает человека свободнее и одновременно огорчает, завораживает и пугает. Оно создает новые формы уязвимости», – отмечает норвежский социальный антрополог Т.Х. Эриксен (Эриксен, 2003, с. 42). Эти идеи перекликаются и с исследованиями прекарности как уязвимости в недавних работах Д.А. Хорошилова (Хорошилов, 2022). «Ключевые слова, характеризующие новую эру, – *открытость и разнообразие*», – замечает Т.Х. Эриксен (Эриксен, 2003, с. 41). У этих слов существуют позитивные коннотации в языке, однако такое восприятие довольно

---

⁸ В одной из книг, посвященной интегративному мышлению, остроумно замечено, что «наилучшей проверкой выдающегося разума является способность одновременно держать в уме две противоположные идеи и сохранять при этом способность к функционированию» (Мартин, 2016, с. 12).

обманчиво. «Одним из характерных последствий открытости являются трудности в самоидентификации» (Там же). Национальность, пол, возраст перестают быть в современном мире объективными характеристиками человека. Женщины «бальзаковского возраста», т.е. тридцати лет, в эпоху, когда французский писатель создавал свои произведения, считались пожилыми, тогда как в наши дни 40-летние мужчины нередко воспринимаются как «юнцы», «подающие надежду» специалисты, лишь начинающие профессиональную социализацию «молодые ученые» (Эриксен, 2003).

Согласно Т.Х. Эриксену, современность обременена двумя одновременно происходящими трансформациями: цифровой (электронной, информационной) и полиэтнической (транскультурной). «Глобальные телекоммуникации, основанные на синхронности, создают новые рамочные условия для человеческого бытия в отличие от прежних технологий» (Там же, с. 71)⁹. Неумолимо врывающиеся в жизненный мир субъекта перемены меняют его идентичность, отрывают от корней традиционной культуры, лишают укорененности, выводят за пределы больших нарративов для самоидентификации. «Обе тенденции создают текучесть, движение и стирают отчетливые границы. Они отрывают культуру от местности, людей – от готовых историй о том, кто они и чем могут стать, работу – от рабочего места, потребителя – от старых добрых товаров, образование – от стандартных моделей, знание – от устоявшихся представлений о нем... Прошлое, целостность, связность подвергаются опасности» (Эриксен, 2003, с. 41). На смену правым и левым пришли совсем иные дилеммы и оппозиции: знакомое vs новое, прошлое vs будущее, стабильность vs изменение, уверенность vs свобода, коммунитаризм vs персонализм, общность vs индивид, статичность vs мобильность, традиция vs импульс, фундаментализм vs амбивалентность, зрелость vs молодость. Самоопределение

---

⁹ «Информационное общество можно описать в фундаментальных трудах, а можно коротко: в центре мировой экономики не предмет, а знак. Знаковая экономика меняется с огромной скоростью и требует других организационных форм и большей гибкости, чем индустриальная. Знак перемещается свободнее, чем предмет. Режимы в Восточной Европе изменили идеи, а не оружие. Именно идеи и представления приводят к восстаниям и миграции народов» (Эриксен, 2003, с. 43). «Национальная идея становится менее важной для многих людей, так как глобализация предполагает, что для информации и ресурсов перемещение в пространстве больше не имеет значения; другими словами – можно находиться где угодно, и это не будет ничего менять» (Там же, с. 44). Наряду с этим в модернизированном обществе идеи коллективизма все более вытесняются «идеями индивидуальной самореализации и самоидентификации» (Там же).

современного человека, согласно Т.Х. Эриксену, происходит именно в этой системе координат (Эриксен, 2003).

В социологических исследованиях российской идентичности на протяжении первых десятилетий XXI века были установлены довольно устойчивые тенденции присутствия в молодежной среде примерно 20% «модернистов», 70% представителей смешанных типов ценностей и 10% «традиционалистов» (Кошарная, Рожкова, 2011; Ядова, 2008). Вариабельность этих показателей в зависимости от места жительства, пола, возраста, образования, специальности и т.п. заслуживает отдельного анализа. Между тем авторы замечают, что «современному молодому поколению свойственны как современные тенденции – инициатива, предприимчивость, так и традиционные, патерналистские ориентации» (Кошарная, Рожкова, 2011, с. 70). Важно отметить, что довольно большая группа молодых людей, придерживающихся смешанных ценностей, несет в себе потенциал как для процессов модернизации, творящих современный тип личности («the Modern Man»), нацеленный на самоосуществление в современном мире, так и демодернизации. Смешанные ценности содержат скрытую антиномичность, в свою очередь, выступающую предпосылкой непредсказуемости развития.

Информационное общество открывает перед человеком новые возможности, но в нем образуются и характерные дефициты. Таковыми становятся неспешный ход времени, предсказуемость, уверенность в завтрашнем дне, принадлежность к сообществу, экология, подлинные переживания (Эриксен, 2003). Современность испещрена прожилками новых социальных разломов. Мобильность ведет к тому, что в одном социальном пространстве тесно соприкасаются люди разных культур и ценностей. Цифровое неравенство создает две партии – телевидения и интернета, которые не только по-разному видят мир, но и разговаривают на разных языках, практически утрачивая способность к диалогу¹⁰. При этом город становится сегодня тем актуальным социокультурным пространством, где встречаются все эти потоки и проблемы. Так, в диссертационной работе философа Г.В. Горновой изучалась современная городская культура и ее воздействие на развитие современного человека (Горнова, 2011). Эта работа также показала, насколько подвижны сегодня границы между социальными,

---

¹⁰ В современном мире различные информационные потоки создают (или не создают) собственные воображаемые сообщества. «Телевидение организует и синхронизирует действия больших групп людей, если существует всего один государственный телеканал. Многоканальность вызывает прямо противоположное действие» (Гам же, с. 58).

философскими, психологическими и антропологическими исследованиями. Согласно Т.Д. Марцинковской, «город становится триггером, запускающим важнейшие механизмы личностного становления, в том числе мотивации на познание окружающего, уверенности или неуверенности в устойчивости формирующейся картины мира, а также стремления раздвинуть его границы или, наоборот, замкнуться в этих границах, отгородиться от изменяющегося большого пространства» (Марцинковская, 2021, с. 302). Являясь естественной средой обитания современного человека, город «отчетливо выявляет все позитивные параметры и негативные факторы, стимулирующие и тормозящие личность, профессиональный рост и даже сохранение здоровья» (Там же, с. 308).

В ряде исследований современности с позиции социальных наук, значимых для психологической рефлексии, антиномии культуры изучались как проявление сложности.

Антиномии – два крыла летящих изменений современности

«Нет сомнения, что все научные теории – это нарративы, но... Тот факт, что невозможно получить доступ к реальности, кроме как через призму определенной культуры, не означает, что реальность как объект или универсальная сфера открытий исчезают. <...> ...Хализм и индивидуализм не противостоят друг другу в том же смысле, что и вердикт между истинным и ложным: это методологические выборы, каждый из которых имеет свои преимущества и недостатки. Одно и то же общество можно изучать с двух разных точек зрения... Это два разных света, отбрасываемых на один и тот же объект, две модели, о релевантности которых можно спорить» (Augé, Colleyn, 2019, p. 97–98).

Британский социолог и политолог Б. Андерсон (Benedict Anderson, 1936–2015), а вслед за ним и группа антропологов показали, что *все сообщества – воображаемые* (Андерсон, 2001). Мы живем в положении «кота Шредингера» – в ситуации мерцающих антиномий. Единый мир, общая для всех картина современности являлась воображаемой реальностью даже в пределах одной культуры. Про современный мир нельзя однозначно сказать, сложен он или прост, является однородным или разнообразным, определенным или неопределенным. Реальность не только переживается контекстуально: в одних ситуациях она проста, в других – сложна, в одних – ясна, в других – неопределенна, но и к тому же создается воображением. Неоднородность и неравномерность

современности определяют как риски, так и возможности, а мышление посредством антиномий выступает гибкой интегративной стратегией для осмысления транзитивности и сложности современного мира.

Основные антиномии современности, требующие культурно-психологического анализа, – это ускорение vs замедление; упрощение vs усложнение; интеграция vs размежевание; прогресс vs деградация; гуманизация vs расчеловечивание; а также диалектика уникальности и заурядности. Зачастую внимание исследователей направлено лишь на одну сторону современности, например, выделяя в ней процессы ускорения, сложности, разнообразия, тогда как в реальности широко представлены и движения замедления, упрощения, унификации. Мышление посредством антиномий позволяет анализировать смешанные и гибридные тенденции, феномены креолизации, в сочетании которых зарождаются как новизна, так и пресловутая непредсказуемость.

Антиномичность – как способ рефлексии и устройство бытия – изучалась в кандидатской диссертации Ю.С. Пчелкиной, отмечавшей, что «антиномичная рефлексия позволяет представить внутреннюю сложность строения феномена культуры» (Пчелкина, 2004, с. 128). В свою очередь, в диссертационном исследовании Г.В. Горновой было показано, что «антиномичность городской культуры является основным фактором, влияющим на развитие современного человека» (Горнова, 2011, с. 7). «Внутренняя сложность городской культуры позволяет человеку сохранить целостность и дает возможность не обретать “разорванное сознание”, существуя в заведомо заданных противоречивых условиях городской цивилизации» (Горнова, 2011, с. 4).

В исследовании Г.В. Горновой антиномичность рассматривалась как основа динамики городской жизни, подчеркивалось, что «основной ценностью городской культуры» выступает свобода (Горнова, 2011)¹¹. В качестве пространства социализации городская культура служит латентной модернизации, развитию саморефлексивности. Между тем внутри нее состязаются ценности урбанизма и антиурбанизма, за ко-

---

¹¹ «Актуальная и потенциальная антиномичность города является одним из механизмов развития городской культуры, показателем динамичности ее развития. Антиномичность связана со свободой, свобода многогранна: широкий спектр возможностей, которые открывает город перед человеком, может быть реализован в свободе мышления, в свободе выбора, в свободе воли, в свободе деятельности, в свободе поступка, в свободе передвижения, в свободе творчества и в осознании обреченности на свободу» (Горнова, 2011, с. 337).

торыми прослеживаются «устойчивые переживания и готовность действовать определенным образом» (Там же, с. 10). Если «антиурбанизм делает акцент на фрустрации базовой потребности в безопасности», то урбанизм создает привлекательный образ города, приоритезируя ценности свободы и самовыражения (Там же).

Городское пространство в качестве среды развития человека содержит и иные антиномии. Так, Г.В. Горнова выделяет витальный и экзистенциальный способы освоения личностью городской культурой. «Основной антиномией витальной парадигмы города выступает антиномия публичного и частного пространства. Сокращение публичного пространства города приводит к социально-негативным последствиям: к разрушению чувства общности горожан, к утрате городской идентичности, к утрате патриотических и гражданских чувств» (Там же, с. 337). В свою очередь, экзистенциальная парадигма проявляется в форме воображения личностью идеального образа города, она содержит «коллективную и индивидуальную память горожан и их коллективные представления о будущем города» (Там же). «Насыщенность экзистенциальной парадигмы города зависит от согласования трех темпоральных модальностей города и от степени его включенности в мировые культурные процессы. Антиномиями экзистенциальной парадигмы города выступают: антиномия исторического и нового города, антиномия столицы и провинции, основанием которой является антиномия города и государства, антиномия глобальных и локальных урбанистических процессов» (Там же).

Особенности городской жизни создают определенные культурно-психологические качества горожанина. Это рациональность, изобретательность, цивилизованность, личная автономия, индивидуализм. «Сочетания этих качеств порождают такие антропологические типы городских жителей, как горожанин-делец, кочевник, космополит, чужак, фланер, этнический крестьянин, житель трущоб, потребитель досуга» (Горнова, 2011, с. 336). Критерием для выделения названных типов служит воздействие на человека антиномичности городской культуры, а также «отношение к свободе как к ценности, осознание ее проблематичности, принятие индивидуальной ответственности» (Там же). Социализированный житель города – «человек, способный преодолеть противоречия городской цивилизации с помощью городской культуры» (Там же). Г.В. Горнова отмечает, что в городском пространстве современности «формируются новые антиномичные типы горожан, синтезирующие ... черты предшествующих типов» (Там же). «Мировой

горожанин» – синтетический тип, сочетающий черты кочевника, фланера, свободного деятеля, чужака, осознающий сложность и неоднозначность городской жизни, «ценность свободы и меру индивидуальной ответственности» за ее обретение (Гам же). Напротив, «*глобальный крестьянин*» ощущает бремя индивидуальной свободы, им движет стремление вернуться к общинному укладу. Г.В. Горнова предполагает, что в зависимости от того, какая тенденция «получит распространение, мы станем жителями глобальной деревни или мирового города» (Горнова, 2011). Отметим также, что выделенные здесь типы можно сравнить с «глобалистами» и «нэйтивистами» (в типологии И. Крастева) или «модернистами» и «традиционалистами» (см.: Кошарная, Рожкова, 2011).

Антиномия города и деревни также сохраняется в современности. Она представлена оппозициями: природа – культура, естественность – искусственность, адаптация – преобразование, традиция – новация, зависимость – свобода, коллективизм – индивидуализм, стабильность – мобильность, иррациональность – рациональность, укорененность – креолизация, пассивность – активность, социальный контроль – автономия, персонифицированность – анонимность и др. «Деревня, лишенная своих корней, внедряется в город и пытается превратить его в глобальную деревню. Это новый вызов, который история ставит перед городской цивилизацией. Современный человек может либо предельно урбанизироваться, совершенствуя городские качества, либо рурализоваться внутренне, не возвращаясь при этом в сельскую местность, но, живя в городе, вновь обращаться к родовому сознанию общины, жертвуя индивидуальностью и свободой» (Горнова, 2011, с. 337).

Диалектика города проявляется в том, что городское пространство формирует горожанина (гражданина), в то время как горожанин формирует городское пространство. «Антиномичность городской культуры, с одной стороны, служит предпосылкой формирования “разорванного сознания” личности, с другой стороны, обеспечивает оптимальный, уровень культурной сложности, способствующий дальнейшему развитию человека городского» (Гам же). Компетенции, востребованные городской культурой, включают внутренний локус контроля, автономию и ответственность, гибкость, адекватность, коммуникативность как умение решать возникающие проблемы посредством обсуждения и договоренностей, не прибегая к манипуляции и насилию.

Уже упоминавшийся выше М. Минаков предложил конструкт «хронотоп модерности», характеризующий «новую культурную ситуацию, в которой время и пространство изменили свои формы и содержание» (Минаков, 2015). Однако если современность образует единый хронотоп человечества, то модерность неравномерно распределена по земному шару. Парадигма модерна подразумевает секуляризацию, «приоритет индивидуального опыта и самореализации надкультурным прецедентом выживанием», осознанную субъектность, «концептуализацию и практическое применение идеи права», городской образ жизни в качестве «доминирующей формы жизни». Модерность также предполагает «целостное понимание человечества как универсального исторического субъекта и универсального значения автономного субъекта» (Там же). Смешивание традиций «сделало возможным создание глобального человечества», где «современные универсальные ценности глубоко трансформировали общества» (Там же). Однако несмотря на то, что «хронотоп модерности ... усилил творческую энергию индивидов», и многие люди смогли стать творцами собственных судеб, «современность полна неожиданных трагичных открытий относительно пределов разума и человеческого потенциала» (Минаков, 2020, с. 11).

Здесь важно, что мышление посредством антиномий фокусирует внимание на том, что вместе с модернизацией в современности происходят менее очевидные процессы демодернизации, рурализации¹², архаизации, и наряду с развитием личности едва ли не большей заботой психологов и антропологов, представителей социальных наук должны стать культурно-психологические факторы, создающие именно эти риски.

Заключение

«Индивидуум производится обществом, но только индивидуумы могут производить общество» (Ангé, Colleyn, 2019, с. 96)

С позиции методологического индивидуализма, обычно ассоциируемого в социальных науках с подходом М. Вебера, принято фокусироваться на отдельном субъекте (акторе) в стремлении понять, почему он действует тем или иным образом. Тогда как

---

¹² Рурализация (от лат. *ruralis* – сельский, деревенский) – процесс, противоположный урбанизации, нередко сопровождающийся также переселением обитателей городов в сельскую местность.

методологический коллективизм, относящийся к традициям Э. Дюркгейма и К. Маркса, объясняет поведение личности, исходя из системных свойств, нормативности сообществ, коллективных представлений. Последовательно проводимые эти два подхода ведут к различным видам понимания (Eriksen, 2015). Однако интегративное мышление посредством антиномий позволяет сегодня совместить полярные позиции, прослеживая, каким образом игра социальных практик отливается в социальные структуры, формирующие поведение человека, и как люди творят новые – неожиданные – социальные практики. Постигая развитие человека в современном мире, необходимо одновременно изучать и социокультурную динамику, и трансформации социальных институтов, и мотивации и ценности личности, и воображаемые сообщества. Если трансдисциплинарный подход выводит сегодня психологию за пределы рассмотрения человека как личности, индивидуальности, субъекта, индивидуума, гражданина и т.п., погружая его в потоки повседневности и множественные слои современности, то метод мышления посредством антиномий позволяет выявлять потенциальные точки роста и риски развития такие, как демодернизация, подавление развития личности в культуре (где и сама культура может быть рассмотрена как феномен амбивалентный). Таким образом, для понимания изменений, происходящих с человеком в современном мире, психология вынуждена обращаться к концепциям модернизации, глобализации, информационного общества, а также соотносить психологическое знание с познанием социальных наук.

Благодарность

Исследование выполнено в рамках госзадания FNRE-2021-0001.

Литература

Андерсон, Б. Воображаемые сообщества. М.: Кучково поле, 2001.

Бауман, З. Текучая современность. СПб.: Питер, 2008.

Болдырев, И. Время утопии. Проблематичные основания и контексты философии Эрнста Блоха. М.: ВШЭ, 2012.

Бутенко, А. Архаика и модерн // Livejournal. 27 сентября 2020. URL: <https://haydamak.livejournal.com/1013056.html> (дата обращения: 10.10.2020).

Горнова, Г.В. Антиномичность городской культуры. Дисс. ... д-ра философ. наук. Омск, 2011.

Гришина, Н., Костромина, С. Психология личности: переосмысление традиционных подходов в контексте вызовов современности //

Психологические исследования. 2017. № 10(52). <https://doi.org/10.54359/ps.v10i52.385>

Гусельцева, М.С. Изучение идентичности в контексте культуры: методология латентных изменений // Психологические исследования. 2018а. № 11(58). <https://doi.org/10.54359/ps.v11i58.311>

Гусельцева, М.С. Трансдисциплинарный подход в современной психологии // Вопросы психологии. 2018b. № 5. С. 3–18.

Знаков, В.В. Психология возможного: Новое направление исследований понимания. М.: Институт психологии РАН, 2020.

Кошарная, Г.Б., Рожкова, Л.В. Ценности модерна в ориентациях современной студенческой молодежи // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2011. № 1(17). С. 64–76.

Марцинковская, Т.Д. Городской капитал и хронотоп города: новый взгляд на городскую повседневность // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2021. Т. 11. Вып. 4. С. 301–311. <https://doi.org/10.21638/spbu16.2021.401>

Мартин, Р. Мышление в стиле «И». Как мыслят успешные лидеры. М.: Юрайт, 2016.

Минаков, М. Диалектика современности в Восточной Европе. Опыт социально- философского осмысления. Киев: Лаурус, 2020.

Минаков, М. Рассовременивание постсоветских обществ // Общая тетрадь. Вестник школы гражданского просвещения. 26 июня 2015. URL: <https://otetrad.ru/diary-937.html> (дата обращения: 10.10.2020).

Ницше, Ф. Сочинения. В двух томах. М.: Мысль, 1990. Т. 2.

Пчелкина, С.Ю. Антиномичность как способ рефлексии культуры в современном философском дискурсе. Дисс. ... канд. философ. наук. Владивосток, 2004.

Хабермас, Ю. Философский дискурс о модерне. М.: Весь Мир, 2003.

Хоркхаймер, М., Адорно, Т. Диалектика просвещения. Философские фрагменты. М.: Ювента, 1997.

Хорошилов, Д.А. Психология социального познания в изменяющемся обществе. М.: Акрополь, 2022.

Шмелева, С. Вместо репортажа // Общая тетрадь. Вестник школы гражданского просвещения. 2020. № 78 (1–2). URL: <https://otetrad.ru/article-1882.html> (дата обращения: 10.10.2020).

Эко, У. Имя розы. СПб.: Симпозиум, 1997.

Эриксен, Т.Х. Тирания момента. Время в эпоху информации. М.: Весь мир, 2003.

Ядова, М.А. Российское поколение икс: «модернисты» и «традиционалисты» (опыт пилотажного исследования) // Социокультурные исследования. 2008. № 3. С. 37–46.

Aime, M. Un ponte tra ieri e oggi / In M.Augé, J.-P. Colleyn (Eds.), *L'antropologia del mondo contemporaneo*. Milano: Elèuthera, 2019. P. 7–16.

Augé, M., Colleyn, J.-P. *L'antropologia del mondo contemporaneo*. Milano: Elèuthera, 2019.

Berscheid, E. The Difficulty of Getting from Here to There and Back / In P.A.M. Van Lange (Ed.). *Bridging Social Psychology: Benefits of Transdisciplinary Approaches*. Mahwah: Erlbaum, 2006. P. 35–39.

Dotlich, D.L., Cairo, P.C., Rhinesmith, S.H. *Leading in times of crisis: navigating through complexity, diversity, and uncertainty to save your business*. San Francisco, CA: Wiley, 2009.

Eriksen, T.H. *Small Places, Large Issues. An Introduction to Social and Cultural Anthropology*. L.: Pluto Press, 2015.

Hannerz, U. *Flows, Boundaries and Hybrids: Keywords in Transnational Anthropology* // *Mana* (Rio de Janeiro). 1997. Vol. 3. No. 1. P. 7–39.

Rabinow, P. *Essays in the Anthropology of Reason*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1996.

Rabinow P. *Anthropos Today: Reflections on Modern Equipment*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2003.

Rabinow, P. *Marking Time: On the Anthropology of the Contemporary*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2008.

Van Lange, P.A.M. (Ed.). *Bridging Social Psychology: Benefits of Transdisciplinary Approaches*. Mahwah: Erlbaum, 2006.

Сведения об авторе

Марина С. Гусельцева, доктор психологических наук, доцент, Психологический институт РАО, Москва, Россия; 125009, Россия, Москва, ул. Моховая, д. 9, стр. 4; mguseltseva@mail.ru

Guseltseva M.S.

Dialectics of modernity: antinomy
as a factor in the development of culture, personality, methodology

Psychological Institute of Russian Academy of Education, Moscow, Russia

The article is devoted to the methodological problems of studying a person in the conditions of modernity, stability and variability, inconsistency and ambivalence of his development. Modernity is a field of transdisciplinary re-

search in the social sciences. Modernity is heterogeneous, it includes various socio-cultural layers and social groups. In modern times, different experiences of sociality, ways and practices of identity production come into contact and compete. Researchers distinguish between contemporaneity and modernity. If contemporaneity means a time period where the development of a personality takes place in a present time shared with other people, then modernity implies the normativity of a certain ethos, adherence to a modern lifestyle. Individuals, like societies, can be contemporary but not modernized; enjoy the technological benefits of civilization, but do not share its values. An appeal to the dialectic of antinomies demonstrates that the self-determination of a modern person takes place in a changing, mixed, contradictory system of value coordinates. Left and right, liberals and conservatives are now being replaced by new and much more diverse dichotomies: known vs. unknown, past vs. future, stability vs. change, security vs. freedom, communitarianism vs. personalism, community vs. individual, static vs. mobility, tradition vs. innovation, fundamentalism vs. ambivalence, maturity vs. youth, etc. To understand the changes that are happening to a person in the actual modern world, psychology is forced to turn to the concepts of modernization, globalization, the information society, and also to correlate psychological knowledge with the knowledge of social sciences.

Key words: methodology, transdisciplinary approach, contemporaneity, modernity, antinomies, culture, personality

For citation: Guseltseva, M.S. (2022). Dialectics of modernity: antinomy as a factor in the development of culture, personality, methodology. *New Psychological Research*, No. 2, 7–31. DOI: 10.51217/npsyresearch_2022_02_02_01

Acknowledgment

The article prepared within a state task, project FNRE-2021-0001.

References

- Aime, M. (2019). Un ponte tra ieri e oggi [A bridge between yesterday and today]. In M. Augé, J.-P. Colleyn (Eds.), *L'antropologia del mondo contemporaneo* (pp. 7–16). Milano: Elèuthera,
- Anderson, B. (2001). *Imagined Communities*. Moscow: Kuchkovo pole.
- Augé, M., Colleyn, J.-P. (2019). *L'antropologia del mondo contemporaneo*. Milano: Elèuthera.
- Bauman, Z. (2008). *Liquid modernity*. St. Petersburg: Piter.
- Berscheid, E. (2006). The Difficulty of Getting from Here to There and Back. In P.A.M. Van Lange (Ed.), *Bridging Social Psychology: Benefits of Transdisciplinary Approaches* (pp. 35–39). Mahwah: Erlbaum.
- Boldyrev, I. (2012). *The Time of Utopia. Problematic Foundations and Contexts of the Philosophy of Ernst Bloch*. Moscow: Vysshaya shkola ekonomiki.

Butenko, A. (2020). Archaic and modern. *Livejournal*. Retrieved from <https://haydamak.livejournal.com/1013056.html>

Dotlich, D.L., Cairo, P.C., Rhinesmith, S.H. (2009). *Leading in times of crisis: navigating through complexity, diversity, and uncertainty to save your business*. San Francisco, CA: Wiley.

Eko, U. (1997). *The Name of the Rose*. St. Petersburg: Simpozium, 1997.

Eriksen, T.H. (2003). *Tyranny of the Moment: Fast and Slow Time in the Information Age*. Moscow: Ves' mir.

Eriksen, T.H. (2015). *Small Places, Large Issues. An Introduction to Social and Cultural Anthropology*. L.: Pluto Press.

Gornova, G.V. (2011). *Antinomy of urban culture* (Doctoral dissertation in Philosophy). Omsk.

Grishina, N., Kostromina, S. (2017). Personality psychology: rethinking traditional approaches in context challenges of modern reality. *Psikhologicheskoe issledovaniya*, 10(52). <https://doi.org/10.54359/ps.v10i52.385>

Guseltseva, M.S. (2018a). The study of identity in the context of culture: the methodology of latent changes. *Psikhologicheskoe issledovaniya*, 11(58). <https://doi.org/10.54359/ps.v11i58.311>

Guseltseva, M.S. (2018b). Transdisciplinary approach in modern psychology. *Voprosy psikhologii*, 5, 3–18.

Habermas, J. (2003). *The Philosophical Discourse of Modernity*. Moscow: Ves' Mir, 2003.

Hannerz, U. (1997). Flows, Boundaries and Hybrids: Keywords in Transnational Anthropology. *Mana (Rio de Janeiro)*, 3(1), 7–39.

Horkheimer, M., Adorno, T. (1997). *Dialectics of Enlightenment. Philosophical Fragments*. Moscow: Yuventa.

Khoroshilov, D.A. (2022). *Psychology of social cognition in a changing society*. Moscow: Akropol'.

Kosharnaya, G.B., Rozhkova, L.V. (2011). Values of modernity in the orientations of modern student youth. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Povolzhskii region. Obshchestvennye nauki*, 1(17), 64–76.

Martin, R. (2016). *The Opposable Mind*. Moscow: Yurait.

Martsinkovskaya, T.D. (2021). Urban capital and the chronotope of the city: A new look at urban everyday life. *Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology*, 4(11), 301–311. <https://doi.org/10.21638/spbu16.2021.401>

Minakov, M. (2020). *Dialectics of Modernity in Eastern Europe. Experience of socio-philosophical comprehension*. Kiev: Laurus.

Minakov, M. (2015). Demodernization of post-Soviet societies. *Obschchaya tetrad'*. *Vestnik shkoly grazhdanskogo prosveshcheniya*. Retrieved from <https://otetrad.ru/diary-937.html>

Nietzsche, F. (1990). *Works. In two volumes. Vol. 2*. Moscow: Mysl'.

Pchelkina, S.Yu. (2004). *Antinomy as a way of reflection of culture in modern philosophical discourse* (Doctoral dissertation in Philosophy). Vladivostok.

Rabinow, P. (1996). *Essays in the Anthropology of Reason*. Princeton, NJ: Princeton University Press.

Rabinow, P. (2003). *Anthropos Today: Reflections on Modern Equipment*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2003.

Rabinow, P. (2008). *Marking Time: On the Anthropology of the Contemporary*. Princeton, NJ: Princeton University Press.

Shmeleva, S. (2020). Instead of reporting. *Obschchaya tetrad'*. *Vestnik shkoly grazhdanskogo prosveshcheniya*, 78(1–2). Retrieved from <https://otetrad.ru/article-1882.html>

Van Lange, P.A.M. (Ed.). (2006). *Bridging Social Psychology: Benefits of Transdisciplinary Approaches*. Mahwah: Erlbaum.

Yadova, M.A. (2008). Russian generation X: “modernists” and “radicalists” (the experience of a pilot study). *Sotsiokul'turnye issledovaniya*, 3, 37–46.

Znakov, V.V. (2020). *The Psychology of the Possible: A New Direction for Research in Understanding*. Moscow: Institut psikhologii RAN.

Information about the author

Marina S. Guseltseva, Sc.D. (Psychology), Associate professor, Psychological Institute of Russian Academy of Education, Moscow, Russia; bld. 9–4, Mokhovaya str., Moscow, Russia, 125009; mguseltseva@mail.ru